

ГЛАВА 4

Эстетика Королевства Западных Земель тяготела к изысканности и утонченности.

Юные отпрыски благородных семейств предпочитали пышные наряды, украшенные кружевом, в сочетании с короткими панталонами. Образ дополняли гольфы, изящные кожаные ботинки и кокетливые круглые шляпы с перьями. Женщины, ценящие прекрасное, обожали восточный шелк, подчеркивающий изгибы их стройных фигур; они завивали волосы в тугие локоны и не жалели дорогих украшений. Взрослые мужчины гладко брились и носили длинные, шелковистые волосы, рассыпавшиеся по спинам поверх строгих рубашек и жилетов. В нижней части гардероба преобладали облегающие брюки, заправленные в жесткие сапоги из воловьей кожи.

Лишь презренные слуги обрезали волосы, чтобы выручить за них немного монет, и носили грубую одежду темных тонов из конопли — так было удобнее работать.

Именно в такую одежду был одет человек, сидевший у края постели.

В этой просторной комнате одну из стен целиком занимало панорамное окно. Витражные стекла, вправленные в кованую раму, должны были пропускать золотистый свет, расцветивая спальню яркими бликами, но тяжелые черные шторы поглощали почти всё сияние. Солнечные лучи пробивались лишь сквозь узкую щель, выхватывая из полумрака полотна на стенах. Будь маленький Нил в сознании, он бы заметил, что перед каждой из этих картин он когда-то замирал в восхищении.

Вдоль стен тянулась золоченая лепнина, исчезающая в темноте там, куда не дотягивался свет.

Лицо мужчины скрывали тени. Его густые, дикие каштановые волосы обрамляли мужественный облик. В глубине зеленых глаз затаился мрак. Прямой, хищный нос с резкой горбинкой придавал ему сходство с орлом. Он едва заметно улыбнулся.

Он смотрел на того, кто лежал в его постели, и на душе у него было на редкость светло.

Спящий утопал в белоснежных простынях. Иссиня-черные пряди рассыпались по подушке, подчеркивая бледность лица. Он прикрыл холодный взор густыми ресницами, отбрасывающими на щеки тени, похожие на раскрытые веера.

Тот едва заметно дышал. Когда мужчина склонился ниже, он ощутил теплое дыхание и услышал мерный ритм сердца.

Какие же у него мягкие губы.

Мужчина коснулся их ладонью — осторожно, сдерживая порыв. Он медленно провел большим

пальцем по тонким губам, наблюдая, как их бледность сменяется нежно-розовым оттенком.

— Так гораздо лучше... Какой послушный, какой красивый... — прошептал он. Его голос звучал хрипло и глухо, словно доносился со дна старого колодца.

В безмолвии сна Нил казался ангелом.

Когда он бодрствовал, он порой усмехался, но стоило ему открыть синие глаза, как в них воцарялся холод. Он выглядел высокомерно и равнодушно, словно смотрел на мир, не пуская его в свое сердце.

Взгляд мужчины скользнул ниже. Под шелковой тканью ночной сорочки проступали тонкие ключицы. На одеяле, в районе живота, лежали ладони — белые, почти прозрачные. Пальцы были длинными, с аккуратно подстриженными ногтями.

Цзянь Хуай лежал, скрестив руки, — удивительно трогательный в своей беспомощности.

Мужчина отчетливо помнил их первую встречу. Они были еще детьми. Тогда он издалека поймал на себе их равнодушный взгляд, в котором не было ни капли детской наивности или нежности.

Нил сидел на почетной трибуне рядом с Кунтином. Оба в роскошных одеждах, они взирали на арену. Он смотрел на него — и в то же время сквозь него, словно всё происходящее внизу было лишь пылью под его ногами.

Тогда, на арене, будущий охранник был насквозь пропитан чужой кровью. Его трясло от холода и истощения, но он упрямо сжимал рукоять меча, впиваясь коленями в бока испуганного коня, из последних сил стараясь не вылететь из седла. Солнце в зените ослепляло его, дыхание вырывалось из груди хриплыми толчками. Казалось, следующий вздох станет последним.

Он ввязался в схватку не на жизнь, а на смерть — это был его единственный шанс.

Он думал, что умрет там. Но выжил благодаря случайной просьбе ребенка.

Мужчина нежно провел пальцами по мягким черным волосам, коснулся бровей и век спящего.

— Раз тебе всё равно, зачем ты спас меня? Помог мне и ни разу об этом не обмолвился?

Перед Нилом он всегда предстал в образе ничтожного, жалкого просителя. А тот, подобно юному и гордому божееству, лишь молча наблюдал, как смертные корчатся в муках этого суетного мира.

— Почему ты смотрел на мои страдания и в то же время спас мою мать?.. Почему позволял Кунтину мучить меня и втайне утешал, даря тепло?.. Кто же ты: дьявол, искушающий души, или ангел, пришедший ради спасения?

«Я считал тебя холодным, но ты проявил милосердие. Я считал тебя добрым, но ты сам вложил кинжал в руки моих палачей, заставив меня истекать кровью. Я обезумел от любви к тебе. А ты, как и прежде, зришь на мои терзания со своего пьедестала».

Мужчина откинул край одеяла и лег на мягкую постель. Он притянул Нила к себе, крепко обхватив его за талию.

— Поспи со мной немного.

Тот не ответил, пребывая в глубоком забытьи.

— Считаю это моим желанием на день рождения.

Мужчина запечатлел поцелуй на его лбу, положил ладонь ему на спину и стал мерно похлопывать, напевая вполголоса странную, надтреснутую, но счастливую песню.

Цзянь Хуай пришел в себя, когда ночное небо уже было усыпано звездами, а комнату заливал серебристый свет луны. Ночной ветерок лениво колыхал шторы. На мгновение ему показалось, что он всё еще спит.

— Я дома?.. — пробормотал он сонным, чуть охрипшим голосом.

Опершись на локти, он приподнялся и откинулся на пуховые подушки. Последнее, что он помнил, — это нищенская лачуга в трущобах.

Настенные светильники отбрасывали мягкие желтые блики на бронзовую лепнину. Цзянь Хуай прищурился, окончательно прогоняя остатки сна, и протянул руку к шнурку колокольчика.

Разноцветные драгоценные камни, собранные в нити, сходились к массивному обсидиану. Стоило ему качнуть подвеску, как камни ударились о серебряный корпус, наполнив комнату хрустальным перезвоном.

В дверь тихо постучали. Слуги вошли в спальню, неся всё необходимое для умывания.

Личный слуга замер у постели, заметив бледность господина. Получив разрешение, он

принялся мягко массировать виски Цзянь Хуая теплыми пальцами, вполголоса поясняя:

— После того как вы распорядились проводить мать того ребенка в больницу, командир Нодин доставил вас домой. В тех местах было слишком грязно и зловонно, вы почувствовали себя дурно и лишились чувств. Горничные помогли вам переодеться и уложили в постель, после чего пригласили врача. Доктор осмотрел вас и заверил, что опасности нет.

Завершив утренний туалет и переодевшись в свежую одежду, Цзянь Хуай велел позвать Нодина.

— Что с тем ребенком? — спросил он.

Цзянь Хуай сидел в кресле, закинув ногу на ногу. Он внимательно смотрел на высокого мужчину, стоявшего перед ним. Нодин вытянулся в струнку, почтительно склонив голову.

— Докладываю молодому господину: мальчик был безмерно благодарен за вашу щедрость. Поскольку вам стало плохо — вы буквально впали в забытие — я поспешил доставить вас в поместье. Я не следил за тем, куда он направился, вероятно, мальчик пошел к матери.

— Почему я упал в обморок?

— Управляющий вызвал врача, как только мы вернулись. Доктор полагает, что причиной стали затяжная хандра и плохой аппетит, вызвавшие анемию. Ваша детская слабость вновь дала о себе знать, вам просто необходим покой и хороший уход.

— Когда именно мы вернулись?

— На закате, господин.

Цзянь Хуай не помнил, сколько времени провел в пути. Дорога до того заброшенного района была неблизкой. В душе зародилось смутное сомнение, причины которого он и сам не мог осознать.

[Командир Нодин, кажется, вызвал подозрения у своего господина]

[Дорогой Нил, твой выбор...]

[Вариант выбора 1: Уволить Нодина]

[Вариант выбора 2: Довериться Нодину]

Королевство Западных Земель считалось краем процветающим и мирным. Центр столицы был настоящей утопией для богачей, где жизнь текла в бесконечных празднествах. Но даже для знатных особ безопасность не была абсолютной.

Аристократы нанимали телохранителей из числа бывших солдат. Те, как правило, происходили из бедных семей, и такая работа давала им шанс на достойную жизнь. Они служили преданно, готовые в любой момент отдать жизнь за хозяина, ведь в случае их гибели семья получала огромное вознаграждение. Но контракт был суров: если охранника увольняли с позором, больше его никто не нанимал — из опасения, что он мог быть подкуплен врагами.

«Есть ли у меня повод для сомнений?» — спросил себя Цзянь Хуай.

В словах Нодина не было ничего предосудительного. В конце концов, он благополучно вернулся домой. Стоило ли лишаться отличного бойца из-за неясного предчувствия?

Нет.

Цзянь Хуай небрежно выбрал второй вариант и жестом отпустил Нодина.

Статуя божества Времени, обнимающая золотой циферблат часов, высилась на мягком ковре. Мерное «тик-так» отсчитывало секунды уходящего дня. Становилось совсем поздно.

Цзянь Хуай сидел в одиночестве за длинным обеденным столом. В центре, на белой скатерти, горели свечи в канделябре, наполняя воздух нежным ароматом тающего воска. Он наблюдал за маятником.

Отец не появлялся дома уже несколько дней, заваленный делами. Мать тоже — редкий случай — не пришла к ужину, прислав со слугой записку, что задержится до утра.

Он методично резал еду на тарелке, добиваясь, чтобы каждый кусочек был идеально равен предыдущему, и только после этого медленно подносил их ко рту, тщательно пережевывая.

Закончив трапезу, он промокнул губы салфеткой, вытер руки влажным полотенцем и перебрался в гостиную. Вечерний ветерок шевелил пряди его волос, роняя их на щеки.

Цзянь Хуай сидел на диване, сохраняя безупречную осанку. Он смотрел на спящую под звездным покровом землю синим, глубоким взглядом, отражавшим лунный свет. Слуги по его знаку удалились.

В огромном доме воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь шорохом тонких гардин да его собственным дыханием. Он — обычно холодный — на мгновение смутился.

Раскрытая книга лежала на коленях, ветер перелистывал страницы. Ночной воздух приносил аромат цветов. Тонкая домашняя одежда плохо грела, и Цзянь Хуая пробрала легкая дрожь.

Так он просидел до самого рассвета.

Когда солнце поднялось на востоке, заливая мир золотисто-багряным светом, Цзянь Хуай моргнул, прогоняя сухость в глазах. Он осторожно положил книгу на стол и направился в спальню.

Лежа на кровати и глядя в безупречно белый потолок, он размышлял: в чем смысл его пребывания в этом мире? Он думал об этом долгие годы, но так и не нашел ответа. Время утекало бесшумно.

Цзянь Хуай прислушивался к своему дыханию. Он дышал мерно, сердце билось ровно.

Тук-тук-тук.

В коридоре послышались шаги — легкие, ритмичные, до боли знакомые.

«Мать вернулась».

Цзянь Хуай прикрыл глаза. Мир снова погрузился во тьму.

Дверь тихо скрипнула. Постель просела под тяжестью чьего-то тела.

Он уловил едва слышимый аромат духов и ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. За сутки запах почти выветрился. Когда маргаритки увядают, они теряют свой солнечный аромат.

Она коснулась его лица холеными, мягкими руками, бережно обводя контуры губ и скул. Спустя долгое время послышался тихий вздох, и на щеку Цзянь Хуая упала холодная слеза.

Лилян была переполнена нежностью, которая выплеснулась в этой единственной капле. Слезка скатилась по бледной коже и исчезла в черных волосах. Женщина осторожно стерла влажный след.

Она еще долго сидела рядом. Наконец, женщина провела пальцами по его волосам, поправила одеяло и, тихо прикрыв дверь, вышла.

Стук каблуков медленно затих вдаль.

В последующие дни глава семьи Кеннет так и не появился — он был слишком занят. Лилиан же внезапно увлеклась светской жизнью: она порхала с одного приема на другой, почти не бывая дома. Даже Кунтин перестал заходить.

Цзянь Хуай строго запретил слугам беспокоить его без крайней нужды. Впервые за долгие годы он остался по-настоящему один.

Раньше забота Кеннета и Лилиан пропитывала каждый его вздох. Они контролировали всё: полны ли его шкафы последними новинками моды, пришлись ли ему по вкусу блюда, пригласили ли его друзья на прогулку. Вслушивались в его музыку, пытались понять — радость в ней звучит или печаль; считали часы, проведенные им без солнечного света.

А Кунтин с самого начала их знакомства бесцеремонно вторгся в его жизнь, принося с собой шум и суету, не спрашивая, хочет ли этого Нил.

В мире Цзянь Хуая постоянно мелькали лица. Кто-то оставался надолго, кто-то исчезал, не оставив следа. Казалось бы, он должен был привыкнуть к вечному окружению.

Но теперь он понял: чужая аура никогда не приносила ему радости.

Внезапная тишина не тяготила его. Напротив, он словно сбросил тяжелое ярмо, которое мешало ему дышать. Он не чувствовал себя одиноким — он чувствовал облегчение. Это было давно забытое, знакомое чувство покоя, возможность наконец-то раствориться в собственном мире. Словно он с самого рождения был предназначен для одиночества.

«Когда опускается ночь, лики богов озаряются милосердной улыбкой. Ия смиренно склоняется в молитве, и все земные тревоги меркнут перед вечностью. Здесь ее путь окончен. Оглянувшись, она видит, как солнце тонет в далеких горах. С тяжелым гулом закрываются врата, но сердце ее остается невозмутимым. Она — вечный странник, чуждый этому миру. В ней нет ни любви, ни ненависти, ни радости, ни печали. Она — сама пустота, призванная исчезнуть, не тревожа суету этого бренного мира...»

Визит Кунтина прервал его чтение.

В облике некогда бесшабашного юноши, принявшего на себя бремя семейного дела, проступила суровая властность. Длинные каштановые волосы были туго затянуты в хвост, открывая волевое лицо.

Он смотрел с мрачной серьезностью; его глаза цветом напоминали молодой бамбук. Улыбка исчезла, он плотно сжал губы, словно не решался заговорить.

Цзянь Хуай ощутил, как диван прогнулся. Кунтин сел совсем рядом, почти вплотную — сквозь тонкую ткань рубашки чувствовалось тепло его тела. Он обнял Нила за плечи и прижал голову

к его плечу.

— Мой дорогой Нил, бедный мой Нил, — тихо произнес Кунтин, и его дыхание коснулось шеи Цзянь Хуая. — Твой отец, господин Кеннет, арестован по приказу короля. Его обвиняют в мошенничестве и подстрекательстве к убийству. Твоя мать, госпожа Лилиан, пыталась спасти его, но всё тщетно. Чтобы избежать позора и окончательного краха семьи, ее отправили в родовое поместье под надзор родственников.

Цзянь Хуай замер. Он растерянно смотрел в пространство. Голос Кунтина звучал слишком близко, превращаясь в неразборчивый гул.

Знакомое лицо заслонило собой мир. Кунтин обхватил лицо Нила ладонями. Мальчик, которого он знал, исчез — теперь перед ним был мужчина, в чьих чертах сквозила холодная решимость.

— Мой Нил... Прежний Нил, не знавший ни бед, ни забот, в одно мгновение остался совсем один.

Кунтин заглянул ему в глаза.

— Что же ты теперь будешь делать?

<http://bllate.org/book/17462/1692369>